

Вэнь Ецай и сам не знал, в который раз уже приходил в Байцзиган, но это был первый раз, когда его пригласили пройти во внутренние покои. Очевидно, это было место, где управляющий Чжоу принимал важные решения. В центре комнаты висела непонятная картина с иероглифами, по обеим сторонам стояло по два кресла, размещённые лицом друг к другу.

Не зная, как себя вести, он шаг в шаг следовал за Юй Шанчжи и вместе с ним сел на правую пару стульев.

В знак уважения к тому, что управляющий Чжоу всё же оказался внимателен, Юй Шанчжи не стал долго ходить вокруг да около. Едва они опустились на места и им подали чай, как он прямо при посторонних достал из рукава вышитый мешочек и извлёк из него изящную шкатулку.

Стоило только приоткрыть крышку — и ничего объяснять было уже не нужно: управляющий Чжоу вытянул шею и воскликнул:

— Так это же мускус!

Вэнь Ецай выпучил глаза, переводя взгляд то на шкатулку, то на Юй Шанчжи — он даже не подозревал, что у этого слепого лекаря припрятано такое сокровище. Как охотник он прекрасно знал, что такое мускус: когда-то ему и самому мечталось, мол, повезёт однажды добыть взрослого самца кабарги и срезать у него драгоценную железу — можно было бы выручить за неё несколько сотен лян серебра.

Позже он выяснил, что кабарга — не такой уж и обычный зверь, а в горах Фуху, где он охотился, таких и вовсе не водится. Но всё это не мешало ему твёрдо знать: вещь эта невообразимо ценная. Говорят, кусочек мускуса можно обменять на кусок золота!

Присмотревшись повнимательнее, можно было заметить, что и кусочек мускуса в руке Юй Шанчжи вовсе не так уж мал — с крупную пилюлю, тёмный, почти чёрный. На золото, конечно, не променяешь, но серебра за него можно выручить немало.

А напротив сидящий управляющий Чжоу и вовсе уже не сводил глаз — мускус для его захудалой лавки был настоящим чудом, редкостью из разряда несбыточных мечтаний. Если бы удалось заполучить даже эту маленькую крупичку, не составило бы труда сбыть её какому-нибудь богатею — и навар был бы знатный.

Тем не менее, несмотря на жадность, управляющий Чжоу не позволил ей отразиться на лице. Всё-таки перед ним сидел всего лишь деревенский лекарь — значит, можно было сохранить высокомерный вид, не выдавая истинного интереса. Он решил подождать, пока Юй Шанчжи сам заговорит. Такие, как он, из бедных и неприметных семей, света большого не видывали, их достаточно слегка припугнуть — и цена может быть снижена.

Но вопреки ожиданиям, оказался сдержанным вовсе не он один: этот деревенский лекарь

оказался ещё куда выносливее. Он спокойно, даже с лёгкой ленцой, поднёс к губам чашку с чаем, поданную помощником. По его движению сразу было видно — человек воспитанный, с хорошими манерами, отнюдь не безродный дикарь, пьющий чай, как скотина воду.

Пока управляющий Чжоу изучал Юй Шанчжи, сам Юй Шанчжи мысленно высказывал своё мнение о чае, что ему подали. Хотя это и был свежий чай, без сомнений с нынешнего сбора, но качество — из последних, нечто вроде отходов при хорошей заварке. И всё же, несмотря на разочарование, он вежливо похвалил:

— Это, должно быть, свежий маоцзянь? Благодарю за угощение, уважаемый даньгуй.

Способность различать сорт чая, а тем более определить его свежесть — редкость для таких мест, как Лянси. Даже в округе управляющий Чжоу знал немногих, кто был бы способен на такое. Этот деревенский лекарь явно не так прост, как кажется. Если он и впрямь обладает подобными познаниями и при этом держит у себя мускус, вполне может оказаться человеком с прошлым, не таким уж и скромным, просто по какой-то причине оказавшимся не на своём месте.

А если уж у него есть мускус, то вполне может найтись и что-то посерьёзнее.

С этой мыслью управляющий Чжоу приободрился, отбросил остатки притворной важности и наконец первым заговорил:

— А по какой цене молодой ланчжун готов расстаться с этим мускусом?

Юй Шанчжи мягко опустил чашку:

— Насколько мне известно, сейчас цена за один цянь мускуса — примерно двадцать лян серебра. У меня здесь, по скромной оценке, не меньше трёх цяней. Даже если просто зайти в любую лавку, за шестьдесят лян его заберут без вопросов.

Управляющий Чжоу, услышав это, не стал спорить. Большинство лекарственных трав имеет цену, меняющуюся в зависимости от сезона, но такие редкие и ценные вещества, как мускус, в цене колеблются незначительно.

Юй Шанчжи спокойно продолжил:

— Разумеется, я искренне хочу подружиться с господином Чжоу. Важно ведь не разовая прибыль, а долгое сотрудничество, не так ли? Мы ещё не раз пересечёмся, верно?

В этих словах управляющий Чжоу отчётливо уловил скрытый подтекст — у этого лекаря в руках, должно быть, есть ещё что-то стоящее. Чтобы прожить, возможно, ему придётся постепенно продавать имеющееся, а значит — будет шанс снова и снова покупать у него

редкие вещи за умеренную цену.

Он постучал пальцами по подлокотнику, поразмыслил как следует и пришёл к выводу: на этом деле он уж точно в накладе не останется. К тому же эта крошечная щепоть мускуса едва показалась на свет, а аромат, разлившийся по комнате, и не думал выветриваться — значит, качество вне всяких сомнений.

Для купца главное — не колебаться. Управляющий Чжоу быстро принял решение. Он подозвал приказчика, велел принести весы и взвесить драгоценность. Выяснилось, что кусочек чуть-чуть не дотягивает до трёх цзяней.

Вэнь Ецай тоже подошёл посмотреть и подтвердил, что всё верно. Юй Шанчжи, услышав, что вес недостаточный, слегка вздохнул с сожалением.

Кто бы мог подумать, что управляющий Чжоу вдруг сам велит приказчику:

— Ступай на лавку, принеси шестьдесят лян серебра, и прихвати заодно образец контракта, который мы раньше заключали с травниками.

Юй Шанчжи нахмурился и машинально спросил:

— Господин Чжоу, это...?

Но управляющий Чжоу лишь рассмеялся во весь голос:

— Чем больше друзей — тем шире дорога. Это мой принцип в торговле. Недостает-то сущие пустяки. Округлим до шестидесяти лян, и пусть будет к удаче, а?

Юй Шанчжи сразу понял: управляющий Чжоу хочет выказать ему расположение. Конечно, не без скрытого умысла, но в нынешнем положении любая лишняя монета серебра ему только на пользу.

— Вы правы, — спокойно кивнул он. — Раз вы не против, я буду звать вас старшим братом Чжоу. А в будущем попрошу покровительства.

Управляющий Чжоу закивал с улыбкой, и с этого момента вместо «Юй-ланчжуна» стал обращаться к нему «младший брат Юем». В придачу одарил вниманием и Вэнь Ецай — сказал, что если у того в следующий раз будет свежая дичь, пусть несёт в лавку, дескать, последнее время что-то уж больно захотелось вкусного.

Когда они вышли из ворот «Байцзитана», Вэнь Ецай всё ещё пребывал в полусне. Шестьдесят лян серебра — для него это было всё равно что дождь из золота с небес.

Но особенно зацепила его перемена в поведении управляющего Чжоу.

— Почему ты не сказал мне о мускусе до того, как мы пришли? — проворчал Вэнь Ецай, слегка раздражённый, — я там сидел, как последний дурак, боялся рот раскрыть.

Юй Шанчжи с улыбкой опустил глаза, позволяя ему тянуть себя в стороны, не сопротивляясь.

Раньше он и сам не знал, с чего начать разговор об этом. А теперь, когда с «Байцзитаном» всё улажено, сделка заключена, серебро получено, на душе стало спокойно и ясно, словно перед ним расступился туман.

Юй Шанчжи всегда считал себя человеком, не склонным к бесполезным терзаниям. За последние несколько дней он хорошо понял, чего хочет. В прошлой жизни он родился в семье Юй — старинной врачебной династии с благородным именем и безмерным богатством. Видел всё, что может предложить мир, кроме одного — любви.

А вот Вэнь Ецай... в нём было что-то горячее, живое, и в то же время простое и светлое, как горный ветер или свежая зелень в полях. Рядом с ним становилось легко на душе — без причины, без повода.

Юй Шанчжи не был уверен, можно ли это назвать влюблённостью. Он понимал одно: для Вэнь Ецай их брак был скорее разумной договорённостью — прожить жизнь в паре, чтобы кто-то рядом зимой подал тёплую воду, а летом отогнал комара.

Как раз этого он и хотел сейчас — не пылкой страсти, не великой любви, а тихого, надёжного уюта. Человека, рядом с которым спокойно и тепло, с которым можно делить повседневные заботы: рис, масло, соевый соус, чай... Всё это ничуть не хуже романтики.

Видя, что Юй Шанчжи вдруг замолчал, Вэнь Ецай ослабил хватку, продолжая поддерживать его под руку, и вполголоса заговорил, шагая рядом:

— Но та мускусная железа... разве её тебе не наставник оставил? Если бы ты раньше мне сказал, я бы точно не дал тебе её продавать! Это же мускус, таким вещам место на самом дне сундука — как фамильной реликвии.

Он вдруг запнулся на полуслове, словно что-то сообразил, и обернулся к Юй Шанчжи:

— Подожди... Ты ведь на что-то деньги собираешь, да? Потому и решил мускус продать?

Юй Шанчжи игриво приподнял бровь, словно нарочно хотел его подразнить, и с самым невозмутимым видом сказал:

— Да, есть тут одно дело... срочно нужны деньги.

У Вэнь Ецай лицо тут же стало напряжённым:

— Что за дело? Серьёзное?

Он уже начал напридумывать: если нужны аж десятки лян серебра, то, наверное, что-то очень серьёзное. Неужели у его маленького лекаря были какие-то судебные тяжбы до свадьбы?

Юй Шанчжи понял, что если не скажет правду сейчас, тот накрутит себя до небес, и быстро решил рассказать всё как есть.

— Да что за дело, — с лёгким вздохом ответил Юй Шанчжи, — просто не хотелось приходить в твой дом с пустыми руками. У меня ведь за душой ничего нет — кроме этого самого кусочка мускуса, что наставник оставил. Вот я и решил обменять её на серебро: часть пустим на хозяйство, остальное отложим — на дом, на землю, пригодится. И совесть будет спокойна, и польза будет.

Хоть изначально условие и было, что он войдёт в дом Вэнь как зять-чжусюй, с гордым характером Юй Шанчжи это было бы непозволительно — сидеть на чьём-то иждивении, да ещё и жить, как говорят, "за счёт жены". Не то чтобы ему было важно, что скажут соседи — он хотел прежде всего самому себе доказать, что достоин той жизни, в которую вошёл.

Теперь, когда деньги появились, можно хоть чуть-чуть выдохнуть — не крутиться каждый день, как белка в колесе, дожидаясь, пока Вэнь Ецай вернётся с охоты с дичью или продаст шкуру.

Выслушав его, Вэнь Ецай так обрадовался, что даже подпрыгнул на месте, всё ещё держась за его руку.

— Вот теперь у меня и на душе спокойно. Завтра-послезавтра пойдём наймём кого-нибудь, чтобы выбрали нам хороший день — снова сыграем свадьбу как положено! Пусть ты и приходишь в наш дом, но я хочу, чтобы ты вошёл туда с честью, как настоящий муж, чтобы у всех во всём селе язык отвалился и даже не думали кривотолков распускать!

А потом, вспомнив о серебре, Вэнь Ецай посерьёзnel:

— Но эти деньги ты всё равно должен оставить себе. Раз уж даже жена идёт с приданым в дом мужа, то и ты, как мой муж, должен что-то иметь за душой. А если вдруг — не дай небеса — когда-нибудь нам не по пути станет, ты с этой суммой и уйдёшь, как положено. У нас в доме нужды нет, не ради этих денег ты нам нужен.

Юй Шанчжи уже давно решил, как распорядится этими деньгами, и спокойно сказал:

— Я ведь не невеста, что выходит замуж и оставляет за собой приданое — мне не нужно припрятывать деньги про чёрный день. Раз мускус я продал, значит, и назначение у этого серебра своё. Ты, помнится, дал мне двадцать лян серебра в качестве свадебного дара. По правде говоря, на них у меня были другие расходы, я их уже потратил. Двадцать лян — сумма немалая, я давно размышлял, как бы тебе это по-своему вернуть.

Вэнь Ецай чуть не подскочил от возмущения:

— Ну ты и упрямец! Какое ещё "вернуть"? Кто вообще возвращает свадебный дар? Его с самого начала тратят! У кого в семье есть дочь или гер, так и делают — полученное за свадьбу серебро пускают на другое: на дом, на женитьбу сына, на угощение. А по-твоему, выходит, будто я тебе одолжил, а ты теперь отдаёшь долг?

Но стоило Юю Шанчжи сказать, что он хочет заглянуть на рынок скота, Вэнь Ецай сразу всё понял.

— Ты же... ты же не собрался вола в дом покупать?

Юй Шанчжи спокойно спросил в ответ:

— Ты сам скажи — хочешь или нет?

На этот раз Вэнь Ецай не стал юлить. Вол! Да он же и во сне о нем мечтает!

— Хочу!

Сказал твёрдо, отчётливо, будто камень положил. Такой уж у него характер: если чего-то хочет — скажет прямо, если что-то есть — не станет юлить. Он терпеть не мог кривить душой.

И вот впервые за всё время Юй Шанчжи не позволил ему подхватить себя под руку, а сам протянул и взял его ладонь.

- До возвращения в деревню ещё есть время, — сказал Юй Шанчжи, — заглянем на рынок скота. Если попадётся что-то подходящее, сразу купим. Может, даже вместе с братом Циншуем и его супругом сможем на повозке вернуться.

Вэнь Ецай представил себе эту картину — губы сами собой растянулись в улыбке чуть ли не до ушей. Во всей деревне от силы три двора имели крупный скот: две головы — у семьи Сюй, одна у старосты, другая у Сюй Пэна, оба — быки. Ещё у семьи Чжуан, что торгует тофу, была ослица — ту использовали и в телеге, и на жерновах.

Кто бы мог подумать, что четвертым двором, где заведётся скотина, станет их, семьи Вэнь?

Не теряя времени, они сразу сменили маршрут и направились к скотному рынку на другом конце посёлка, ведь аптека Байцзиган находилась на противоположной стороне. На полпути Вэнь Ецай вдруг замедлил шаг и, словно чего-то смущаясь, остановился.

— Шанчжи, — сказал он, — впереди лавка сладостей. Я зайду купить немного патоки и засахаренных фруктов. Только лавка маленькая, людей там много... Боюсь, если ты зайдёшь, тебя ненароком толкнут. Подожди меня здесь, ладно?

Он даже не подозревал, что врёт он ужасно. Если уж что говорит не от души, то сразу по голосу слышно — фальшиво.

Юй Шанчжи уже догадался, что тот, скорее всего, пошёл не просто за сладостями, но и раз за разом ему ничего не говорил, значит, и сейчас нет смысла разоблачать.

— Иди, — мягко сказал он. — Я вот тут у стены постою, в теньке. Ничего со мной не случится.

Вэнь Ецай всё ещё колебался:

— Всё-таки не надо... Вон там, впереди, чайная лавочка. Давай я тебя туда провожу, посидишь, подождёшь меня там.

Юй Шанчжи только улыбнулся, чуть покачав головой:

— Ты ж ненадолго? Что зря тратить медяки на ту жижу... Среди бела дня — неужто кто осмелится меня утащить?

Чайный ларёк — не чайная, но даже там за место за столиком надо платить: самая дешёвая грубая заварка стоит пять вэней, в чайнике — больше стеблей, чем листьев, на вкус почти как вода.

В прошлой жизни он пил чай, что стоил целые состояния, просто как повседневный, и не чувствовал ни малейшего сожаления. А теперь, подумав, что пять вэней придётся отдать за такую бурду, — стало обидно. Каждая копейка достаётся с трудом — Вэнь Ецай тоже это понимал. Да и, в конце концов, Юй Шанчжи — взрослый мужчина, не девушка и не нежный гер, чтобы бояться похищения. Не найдётся такого глупца, кто рискнёт украсть его среди бела дня.

— Ну ладно. Только ты стой тут и никуда не уходи. Я всего-то через дорогу, к той лавке. Обернусь — и сразу тебя вижу.

Когда тот уходил, то тысячу раз повторил одно и то же, будто Юй Шанчжи — трёхлетний ребёнок. Только после нескольких настойчивых заверений, с еле сдерживаемой улыбкой, он наконец-то проводил Вэнь Ецай.

Так и остался стоять под навесом, и всякий прохожий невольно бросал взгляд на него. Одет он был просто: старая хлопковая одежда, выстиранные до белизны матерчатые туфли, в руке — потёртая бамбуковая палка. Но несмотря на это, весь его облик словно воплощал собой те самые четыре иероглифа — «юй шу лин фэн» (Юй Шу Лин Фэн, «изящный, как нефритовое дерево, колышущееся на ветру») — настолько он был притягателен, что трудно было отвести взгляд.

Пусть выглядел он небогато — да разве все в городе из зажиточных домов? С такой внешностью и манерами он легко мог вскружить голову. Долго ждать не пришлось — какая-то смелая девушка с подружками сделала несколько кругов неподалёку, пока, поддавшись уговорам, наконец не подошла заговорить с ним.

Юй Шанчжи по первым двум фразам сразу понял, с какими намерениями она пришла. Однако не стал сердиться — лишь спокойно ответил:

— Девуца, у меня уже есть дом и семья.

Словами он словно ножом отрезал, к тому же всё это время глядел в противоположную сторону.

Девушка замешкалась, потом с сомнением спросила:

— Господин... а ваши глаза...?

Юй Шанчжи тут же подхватил:

— Прошу прощения, у меня болезнь глаз, зрения лишён, прошу извинить.

Несколько девушек переглянулись — ну вот, действительно, Небеса всегда уравнивают: даровали поразительную наружность, но отобрали зрение. Неловкость повисла в воздухе, и, обменявшись парой глупых реплик, они поспешили ретироваться.

Юй Шанчжи наконец-то вздохнул с облегчением. В голове мелькнула мысль: нравы в последние годы и правда стали свободнее — барышни, завидев одинокого мужчину, запросто подходят знакомиться. Жаль только, что на этот раз попали на него. Если бы это был кто-то другой — незамужняя с незанятым, кто знает, может, и завязалась бы история с хорошим концом.

Мысли у него витали, как облака: от рассеянного размышления о девушках он вскоре переключился на покупку быка. В памяти прежнего хозяина тела почти не было полезных сведений — разузнать, на что ориентироваться, можно будет лишь на самом рынке. Он ещё не пришёл к решению, как вдруг услышал приближающиеся сбивчивые шаги — причём явно направлявшиеся прямо к нему.

Это точно не мог быть А-Е — ведь если бы тот вернулся, с его горячим нравом, закричал бы ещё с другого конца улицы.

Сначала Юй Шанчжи подумал, что это снова какой-нибудь прохожий, пришедший завести разговор, но тут же нахмурился: в нос ему ударил слишком резкий, дешёвый запах румян, к которому примешивался специфический, въедливый дух пота — такой бывает только у мужчин, занятых тяжёлым трудом.

Что-то было неладно. Он машинально отступил на шаг назад, крепче упирая в землю бамбуковую трость. Однако неизвестный быстро развеял его сомнения: едва тот открыл рот и произнёс «Юй-ланчжун», Юй Шанчжи сразу догадался, кто перед ним.

У него ёкнуло сердце — он и не думал, что снова столкнётся с той самой свахой по фамилии Хуа и извозчиком.

Ли-эр окинул взглядом белолицего молодого лекаря, стоявшего перед ним, с пренебрежением скривил губы и, не говоря ни слова, шагнул вперёд, обвив рукой его плечи и притянув к себе.

Со стороны эта сцена могла показаться дружеским объятием старых знакомых, но сам Юй Шанчжи ясно ощущал, с какой силой сжал его этот извозчик.

— Юй-ланчжун, давно не виделись. Поговорим в сторонке?

Всё произошло в одно мгновение. Старик, торговавший сахарными шариками, что стоял совсем рядом с Юй Шанчжи, всего лишь обслужил одного покупателя — а когда повернулся, бросив взгляд в сторону стены, где минуту назад стоял приметный молодой человек, того уже и след простыл.

— Молодёжь, что с них взять — горячие, необузданные, — покачал головой старик и вновь принялся выкрикивать своё: крупные, ярко-красные сахарные шарики по пять вэнь за шпажку.

Он и не догадывался, что всего в десятке шагов, за углом узкого переулочка, Юй Шанчжи в этот момент был зажат Ли-эром, в то время как сваха Хуа стояла на стреме. Цветастую повязку с головы она предусмотрительно сняла и спрятала за пазуху, выглядывала наружу с явной тревогой, её узкие треугольные глаза нервно бегали по сторонам.

Даже Юй Шанчжи с его хладнокровием не мог не вспотеть — капли выступили по краю воротника. Что ни говори, с самим Королем Ямой договориться проще, чем справиться с его подручными. Он-то уже надеялся, что всё, что связано с прежним владельцем тела, останется в прошлом, а вот поди ж ты — эти двое вновь появились.

А уж если явились, да ещё с таким нахрапом — ясно, что добра ждать не приходится.

— Среди бела дня вы людей похищаете — смелости вам не занимать, — произнёс он холодно, сдержанно, на что кучер Ли-эр ответил кривой, зловещей ухмылкой.

— Юй-ланчжун, я ведь человек простой, — процедил он, — не нужно меня этими речами пугать. Мы пришли без задней мысли — просто сейчас туго с деньгами, хотели бы занять немного серебра, чтоб хоть чем-то рот наполнить.

«Занять» — это, конечно, звучит красиво, но всем ясно: возврата не будет. Эти двое просто решили воспользоваться уязвимостью прежнего хозяина тела, чтобы вытрясти деньги.

Юй Шанчжи был прижат к стене, волосы растрёпаны, одна прядь выбилась вперёд, одежда испачкана. От закоулка тянуло мерзким запахом мочи, и всё вокруг будто было пропитано грязью — вид у него теперь был более чем жалкий.

И всё же, стоило ему заговорить, как исходившая от него сдержанная решимость вновь пробивалась сквозь внешний беспорядок.

— Не говоря уже о том, что я — нищий лекарь, ставший зятем в чужом доме, и держать при себе хоть сколько-нибудь меди — уже роскошь, я, признаться, не могу понять: с чего вы вообще решили, что я позволю собой вертеть? — спокойно произнёс Юй Шанчжи.

Ли-эр бросил на него взгляд, будто услышал нечто до смешного нелепое.

— Да ты как клюв мертвой утки*: хоть семьдесят два раза в кипятке вари — только упрямства и прибавится. Мы своими глазами видели, как ты с тем уродцем вошёл в аптеку. Два короба — полные до краёв — внесли, а вышли с пустыми. Неужто ты и вправду настолько глуп, что отдал ему все деньги?

(ПП: Даже если уток готовят на пару, жарят, варят или тушат, клюв остается твердым и плотным. Позже людей, которые приводили беспочвенные аргументы о вещах, не имевших под собой никакой основы или причины, стали называть «дохлыми утками с твердым клювом».)

На этом месте Ли-эр уже начал раздражаться. В голове его металась мысль: вывернуть этого лекаря, вытрясти деньги — и покончить с этим. Но он понимал: стоит перейти черту, и это уже не просьба о «займе», а грабёж. А у Юя тогда будет повод пойти к чиновнику.

Нет, нужно терпеть. Этот способ выбивания денег ещё может послужить и в другой раз — незачем же с первого удара ломать хорошую палку. Тем более, с недавних пор и без того дел по горло: повозка полетела в овраг, разбилась в дребезги, отремонтировать её не удалось, а деньги, что он занял под проценты, чтобы повозку купить — до сих пор не возвращены.

Последние дни Ли-эр и так крутился, как уж на сковородке, в поисках хоть какой-нибудь копейки. А тут перед ним — такая жирная овца. Упустить — значит самому себе враг.

— Послушай, Юй, ты ведь парень неглупый. Подложенное снадобье не подействовало, с того света тебя выдернули, и ты, ни слова не говоря, остался в доме Вэнь, сидишь на их шее, живёшь себе припеваючи. Судя по всему, не бедствуешь. А раз так, не думаю, что тебе захочется, чтобы кое-какие прошлые дела всплыли наружу. Махинации с брачным выкупом, долги по азартным играм, а потом — вдруг захотел расторгнуть помолвку... Как думаешь, если тот грозный гер об этом узнает — не сломает ли он тебе ногу? Или, чего доброго, не спустит ли собак, чтобы загнали тебя в овраг и там заживо изгрызли?

Если бы всё это было сказано прежнему хозяину тела, Юй Шанчжи полагал, тот, пожалуй, уже бы дрожал от страха и едва держался на ногах. Но теперь в этом теле иная душа. И какой бы лихой ни был этот извозчик, с тем, что Юй Шанчжи повидал в своей прежней жизни, это и рядом не стояло.

Он ясно помнил: в семь лет, на обратном пути из школы, его похитили. Преступники позвонили в дом Юй и потребовали пятьдесят миллионов наличными — в противном случае обещали убить ребёнка. Он был старшим внуком семьи Юй, к тому же известным в округе вундеркиндом. Пусть фотографий его в сети почти не было, похитители успели тщательно подготовиться — это было дело ва-банк.

Они посчитали, что с семилетним мальчишкой справиться легко: связали руки-ноги, приставили дежурного — и все на этом, даже особо не следили.

И вот этим-то Юй Шанчжи и воспользовался.

Семья Юй по местным меркам считалась настоящей знатью. Дети в их доме с малых лет обучались приёмам самозащиты. Однако, помимо стандартных боевых навыков, в роду врачей-целителей Юй существовали и другие, куда более изощрённые методы. Тогда, в том далёком детстве, Юй Шанчжи дождался, пока один из похитителей выйдет справить нужду, а второй, устав, начал клевать носом. Не издав ни звука, он потихоньку развязал верёвки на руках и ногах, после чего вытащил спрятанную в подошве туфли серебряную иглу.

Спрятав её между пальцами, он сменил позу, прикрыв ослабленные путы, и тихо попросил попить. Оставшийся с ним похититель раздражённо взглянул на него, но всё же нехотя подошёл. До получения выкупа мальчишке нельзя было позволить умереть — иначе вся операция пошла бы прахом, да и с законом потом не сладить. Косо глянув ещё раз на худоцавого, болезненного на вид ребёнка, бандит подошёл ближе, открыл бутылку воды и сунул её к его губам, не особенно заботясь о том, что половина жидкости расплескалась ему на грудь.

Юй Шанчжи сделал вид, будто напуган и послушен, глотнул пару раз, не выказывая ни малейшей угрозы, и терпеливо ждал момента, когда похититель повернётся к нему спиной.

Как только шея оказалась в пределах досягаемости, он рывком поднялся с места и, не моргнув, вонзил серебряную иглу в ямку у основания шеи — точку Цзяньцин.

Из-за внезапного паралича верхней части тела, недопитая бутылка воды выпала из рук похитителя и с глухим стуком шлёпнулась на землю, разбрызгав воду во все стороны.

Юй Шанчжи, воспользовавшись успешной атакой, быстро сбросил с себя остатки верёвок. К тому моменту, когда он выдернул иглу, похититель уже начал приходить в себя. Хотя руки у него не слушались, ноги оставались под контролем — он поднял ногу и ударил мальчика изо всех сил.

Удар пришёлся точно, Юй Шанчжи отлетел, но, стиснув зубы и не обращая внимания на боль, тут же рванулся вперёд, обхватил похитителя за бедро, и, выждав подходящий момент, вонзил вторую иглу в точку Хуаньтяо.

В отличие от Цзяньцзина, отвечающего за подвижность плечевого пояса, точка Хуаньтяо контролировала нижние конечности. Похитителя словно вырубил — он упал, беспомощно затрепыхавшись. На прощание Юй Шанчжи не поленился и, развернувшись, воткнул последнюю иглу в точку Шаньчжун на груди. Почти сразу дыхание мужчины сбилось, и он скрючился в мучительной судороге, словно сваренная креветка.

Юй Шанчжи понял, что пора уходить. Он пулей выскочил из кузова грузовика и, пока второй похититель ещё справлял нужду на другом конце лука, бросился прочь, бегом, не оглядываясь, так долго, как только мог, не смея остановиться ни на минуту.

Позже его спасли, и эта история быстро стала настоящей легендой внутри семьи Юй. С тех пор всех детей — как из прямой линии, так и из боковых ветвей — заставляли в обязательном порядке осваивать приёмы иглоукалывания для самозащиты. Идеалом считалось, если ребёнок мог на ощупь, с завязанными глазами, безошибочно попасть в нужную точку.

А вот этим искусством Юй Шанчжи владел в совершенстве. И потому сейчас он не просто остерегался, что Ли-эр может пустить в ход кулаки — он этого даже втайне желал.

Ранее всё происходило на людной улице, а Вэнь Ецай мог в любую минуту закончить с покупками и подойти. Юй Шанчжи не хотел поднимать шум. Он уже немало думал над тем, как разобраться с тем хаосом, что достался ему от прежнего владельца тела, но всё равно не находил безупречного выхода.

Раз уж эти двое — сваха Хуа и Ли-эр — сами пожаловали к нему, возможно, самое разумное — раз и навсегда дать им понять, что перед ними вовсе не мягкая хурма, из которой можно выжимать сок сколько влезет. Пусть поймут, что он — не тот, кем был раньше, и больше не стоит совать к нему руки.

Он привык быть человеком, на котором держится всё — главой большого рода, тем, кто продумывает всё вперёд и назад. И сейчас в уме у него уже выстраивался план: как повернуть ситуацию против этих двух жалких вымогателей.

Он глубоко вдохнул, а на лице его — по-прежнему безмятежная невозмутимость, будто его не колышут никакие ветра.

— В прошлый раз я, признаю, был в заблуждении, — спокойно начал он. — А потом, коли всё не сложилось, считай, мне повезло остаться в живых. Сейчас я уже решил — жить с А-Е нормально, по-людски. В конце концов, он для меня самый близкий человек. Если вы хотите рассказать ему о том деле — валяйте, я не боюсь. Хотите — идите и рассказывайте. Посмотрим, кому он поверит — вам или мне. А даже если поверит вам, ничего страшного. Если у меня будет искренность — всё объясню.

Сваха Хуа всё это время стояла в отдалении, наострив уши, и, дослушав до этого места, наконец не сдержалась — резко обернулась.

— О, да ты, Юй, просто родился с золотой жилкой, — злобно выдохнула она. — Старуха-то вон как когда-то на тебя глянула — ну лицо пригожее, прямо под стать кусам того уродца, — и не ожидала, что ты ещё и ловкач такой: и денег выманил, и человека вокруг пальца обвёл, да так, что и дышать без тебя не может.

Видя, что Юй Шанчжи — вовсе не сговорчивый и пугливый простак, как она надеялась, в ней закипела злость. Хотя изначально ей и не хотелось слишком глубоко в это всё влезать, раз уж она прошла с Ли-эром весь путь до сюда, да ещё рисковала, то вернуться ни с чем — значит, потратить силы впустую.

С этими мыслями она зло сплюнула и с ехидцей процедила:

— Не строй тут из себя чеснока, будто головы у тебя нет! Не дашь денег сегодня — завтра тебя этот уродец погонит вон из дома, и не к кому будет пожаловаться!

Юй Шанчжи усмехнулся, губы изогнулись в холодной насмешке:

— А если не дам? Что, и вправду решитесь грабить среди бела дня?

Этого Ли-эр уже стерпеть не мог. Вспыхнув, он шагнул вперёд, схватил Юй Шанчжи за ворот, глаза налились кровью, мясистое лицо исказилось от ярости.

— Тьфу на тебя! Ты кто такой вообще? Думаешь, человек? Да ты — пшик! Мы к тебе по-хорошему, а ты, сопляк, уважения не понимаешь! Живо выложи деньги, пока сам не пожалел. Сказки мне не рассказывай — никто тебе тут не поможет!

Однако именно в этот момент Юй Шанчжи дождался того самого шанса, которого ждал. Он внезапно рванулся вперёд и резко сжал внутреннюю сторону запястья Ли-эра, точно надавив на точку Нейгуань. Пальцы его вонзились с такой силой, что ногти впились в кожу до крови.

Ли-эр тут же почувствовал, как одну сторону тела охватила волна онемения, а в запястье будто ударила молния — боль была такой, что из его глотки вырвался визг, будто резали свинью.

Он, конечно, не собирался сдаваться так просто: второй рукой наугад замахал в воздухе, пытаясь ухватить Юй Шанчжи за одежду. Но тот уже перехватил бамбуковую трость, поджал один конец, сделав её короче, и со всей силы ткнул ею точно в центр его груди!

Ли-эра накрыла волна удушья и онемения, мгновенно распространившаяся по всему верхнему телу. Он отшатнулся назад, ноги у него подкосились, и он с грохотом рухнул на землю, сев прямо на задницу. А трость Юй Шанчжи, как зачарованная, не промахнулась ни на волос — точно, без колебаний, ударила в самый центр груди.

— Советую тебе больше не дёргаться, — тихо, но отчётливо сказал Юй Шанчжи. — Я — лекарь. Я знаю, где у человека находятся точки смерти. Знаешь, что это такое? Это когда нажмёшь как следует — и ты уже труп.

Ли-эр судорожно сглотнул, глаза его метались в панике, и он лихорадочно стал подавать знаки свахе Хуа, что стояла сбоку. Но та, с её-то куриной смелостью, уже была на грани обморока — в страхе, спотыкаясь, бросилась к выходу из переулка.

Юй Шанчжи нахмурился — одному ему не уследить сразу за двумя, да и Ли-эр под его тростью в любой момент мог вновь пойти в атаку. Он уже было подумал: пусть бежит. Такая, как она, без Ли-эра на подмоге вряд ли решится на что-то подобное ещё раз — скорее всего, в будущем она и вовсе постарается с ним не пересекаться.

Однако в тот самый момент, когда и он, и Ли-эр были уверены, что старая ведьма воспользуется суматохой и сбежит, из-за угла вдруг показалась чья-то нога, и с прицельного удара в живот сшибла сваху с ног. Та пролетела пару метров, покатила по земле и с хрустом приземлилась прямо рядом с Ли-эром.

Сваху Хуа тут же завывала, как на похоронах, запричитала и уже открывала рот, чтобы обложить кого-нибудь проклятиями, как вдруг — шлёп! — по щеке прилетела звонкая пощёчина. От удара она прикусила язык, в глазах потемнело от боли.

— Старая ведьма! — раздался гневный голос. — Сама зарабатываешь на сватовстве, а сама же и на подлые дела руку прикладываешь! После смерти в зале Короля Яма тебе сердце и печень вынут да поджарят на сковороде — вот что с тобой будет!

Сначала Юй Шанчжи не понял, кто это такой ворвался с такой решимостью, но услышав знакомую, бойкую манеру речи, уже не сомневался — кто же ещё, как не Вэнь Ецай?

— А-Е? — Юй Шанчжи удивлённо взглянул. Он не ожидал, что тот вернётся так быстро.

Сваха Хуа, давно привыкшая гнуться туда, куда ветер подует, уже стояла на коленях, ударяясь лбом об землю и бормоча мольбы о пощаде. Да смилуется над ней Небо — она же отчётливо видела, что у Вэнь Ецая за поясом торчит кинжал!

Но и Вэнь Ецай хорошо понимал: эта старая карга — не враг, а досадная мелочь. Он без всяких церемоний отшвырнул её в сторону и шагнул вперёд, остановившись всего в двух шагах от Юй Шанчжи.

Он только что слышал все те слова, что прозвучали здесь, и теперь с удивлением смотрел на человека перед собой — такого чужого, почти незнакомого. Ветер шевельнул края одежды. Вроде бы тёплый весенний, но пробирающий до костей, словно несущий на себе пронизывающую стужу. Юй Шанчжи ощутил, как ладонь, сжимающая бамбуковую трость, покрывается липким потом. В груди — глухое предчувствие беды, как серая грозовая туча, неотвратимо нависшая над головой.

Наконец, одно-единственное предложение разрезало молчание, словно нож вспорол гладкую ткань кажущегося спокойствия:

— Юй Шанчжи, я задам тебе только один вопрос. Всё, что они только что говорили — правда это или ложь?

Вопрос этот был для Юй Шанчжи заведомо неразрешимым. Потому что для прежнего хозяина тела — это была правда. А для него — ложь.

Но в конечном счёте, если быть до конца честным с самим собой, он, едва оказавшись в этом мире, действительно думал о том, чтобы уйти.

Если бы его намерения действительно не изменились, то шестьдесят лян, вырученных с продажи мускуса, следовало бы назвать не приданым, а платой за расставание.

И всё же именно в этот момент, когда деньги уже были на руках, когда он собирался вместе с Вэнь Ецаем пойти выбрать скотину, когда у каждого из них зародились свои надежды на совместную жизнь...

Всё вот так внезапно рухнуло из-за этого вмешательства.

Молчание Юй Шанчжи, пусть и недолгое, в глазах Вэнь Ецая могло означать всё что угодно — бегство, уклонение, а может, и безмолвное признание.

Весенний ветер качал ветви ивы над стеной, должен был бы выглядеть нежным и живым, но в этом тесном переулке, среди угловатых теней, он вдруг обрёл унылый, по-осеннему гнетущий оттенок. Вэнь Ецай стоял, глядя на него, и на лице его появилась искажённая улыбка, которая выглядела хуже всяких слёз.

— Вот как... Прекрасно... Всё просто замечательно. Я думал, что ты — не такой, как прочие мужики. Да, моя семья Вэнь на самом деле не золотое и не серебряное гнездо. Да, я, Вэнь Ецай, некрасив, характер у меня жёсткий. Но я не бесстыжий человек! Я честно пригласил сваху, заплатил выкуп, взял тебя в дом, а ты? Все эти дни только и делал, что кормил меня сладкими речами, а я... я поверил. Думал, ты хоть немного искренен со мной. А теперь вот узнаю — ты с самого начала всё рассчитал до последнего цзяо!

К концу своей речи голос Вэнь Ецай почти сорвался, последние слова прозвучали с надрывом, будто горло сдавило — едва различимыми обломками фраз.

Он сердито смахнул рукавом с лица слёзы и пот.

А ведь всего полчаса назад он вышел из лавки, в руке неся пакет с новыми сладостями и засахаренными фруктами, а за пазухой аккуратно спрятал новенькую деревянную шпильку. Именно из-за этой шпильки он не взял Юй Шанчжи с собой в магазин. Он ведь хотел подарить тому кошелек, в котором можно было бы хранить деньги. Дома он не раз распарывал вышивку и переделывал заново — нитки уже начали пушиться, ткань обтрепалась, но он всё никак не был доволен, и решил: раз уж руки не слушаются, подарит что-то готовое, от души — хотя бы шпильку.

А тут Юй Шанчжи сам заговорил о том, чтобы купить в дом быка — и Вэнь Ецай вдруг почувствовал, что его убогая вышивка совсем не годится. Подумал-подумал и решил: пойдёт и купит приличную вещь, а кошелек прибережёт до лучших времён.

С такими мыслями он радостно вышел из лавки — и в ту же секунду остолбенел: место, где только что стоял Юй Шанчжи, пустовало. В голове сразу загудело.

К счастью, неподалёку оказался добродушный гер, что помогал мужу продавать дыни. Он заметил Вэнь Ецай в панике и, по доброте, указал направление: мол, видел, как Юй Шанчжи вместе с двумя незнакомцами свернул в западный переулок.

Вэнь Ецай с того момента мчал сломя голову — ведь за всё время, что они живут в этой глуши, он ни разу не слышал, чтобы у Юй Шанчжи здесь были какие-то знакомые. К тому же, даже если бы это и были какие-то знакомые, разве нельзя было перекинуться парой слов прямо на улице? С какой стати уходить в этот кривой, глухой переулок, где ни души?

В груди у Вэнь Ецай кольнуло тревожное предчувствие. Он тут же схватил две пустых корзины, сложил одну в другую, аккуратно уложил в них только что купленные сладости, подбил их соломой и вприпрыжку бросился в ту сторону, куда ему указал гер с дынями.

Когда он подошёл к переулку, разговор внутри как раз достигал кульминации. И он, затаившись в тени, разом услышал целую россыпь слов: «лекарство для мнимой смерти», «обман с брачным выкупом», «долги по азартным играм», «попытка расторгнуть брак»...

Каждое из этих слов било по нему, как гром среди ясного неба, одно за другим, будто молотами. Он застыл на месте, оглушённый, онемевший. В голове вихрем пронеслись воспоминания о том, как он пытался расспросить Юй Шанчжи о болезни, которая у того якобы случилась. Тогда объяснения показались ему смутными, странными, но он ни на секунду не усомнился в искренности того, кто стал ему почти мужем.

Но если всё это было фальшью, если вся история с болезнью — просто нелепая попытка отыгаться за неудачную инсценировку смерти ради разрыва помолвки, то многое, что казалось бессмысленным, вдруг становилось на свои места.

Выходит, он, Вэнь Ецай, и впрямь оказался круглым дураком, самым настоящим. Думал, что раз облик у человека чист и ярок, то и душа — такая же. А его будущий муж, оказывается, презирал его до такой степени, что предпочёл притвориться мёртвым, лишь бы не жить рядом.

Гнев молнией ударил в голову, захлестнул всё — разум, стыд, терпение. И как раз в этот момент, когда ярость требовала выхода, он увидел, как сваха Хуа, чуя, что дело идёт плохо, попыталась улизнуть. Вот тогда он и врезал — чисто, от души, прямо по животу. Теперь она валялась на земле, скуля и причитая, взывала ко всем возможным покровителям, но Вэнь Ецай уже не слышал ни слова. Всё в его голове заглушала одна единственная мысль — боль, предательство и обида.

А разве сам Юй Шанчжи чувствовал иначе? От крика свахи Хуа у него уже разламывалась голова, а как всё это объяснить — он и сам не знал. Ну не скажешь же вслух: мол, умер я однажды, а когда очнулся — уже в чужом теле, и всё, что сделал прежний «я», — вовсе не мои поступки. Да кому это объяснение покажется хоть сколько-нибудь вменяемым? Сам бы он, оказавшись на месте Вэнь Ецай, ни за что не поверил бы в такие дикие рассказы.

Он словно застрял в тупике. И теперь на его лице застыла тень — смесь растерянности, муки и безысходности.

Вэнь Ецай подошёл вплотную, грудь у него тяжело вздымалась от ярости. Он резко поднял руку, намереваясь отвесить пощёчину этому человеку, что столько дней был ему близок, кормил словами и улыбками. Ветер от замаха уже резанул по щеке — но в последний момент Вэнь Ецай сжал губы, рука задрожала... и опустилась.

— Я не бью инвалидов, — бросил он хрипло, затем сжал глаза, будто прогоняя невыносимое.

Плечи его вздрагивали, дыхание всё ещё было тяжёлым. Наконец, он выдохнул:

— Раз уж ты с самого начала хотел расторгнуть помолвку — хорошо, я больше не буду за тобой бегать. В тот день, когда я платил выкуп, я отдал двадцать лян. Не прошу у тебя ни монеты сверху. У тебя сейчас как раз есть серебро — верни мне эти двадцать. Я вернусь домой, сожгу брачный договор — и с этого момента между нами всё кончено.

Сказав всё это, Вэнь Ецай думал, что сейчас ему должно стать легче — будто вырезал гниль из давно воспалённой плоти, очистился. Но в груди было пусто. Слишком пусто. Он невольно усмехнулся с горькой насмешкой над самим собой.

Наверное, это всё потому, что слишком долго он жил один, в своём углу, за высоким забором. А то малое тепло, ту робкую заботу, которую дал ему Юй Шанчжи, он воспринял слишком всерьёз. Даже зная теперь, что перед ним — наглый обманщик, сердце всё равно успело прирасти.

Он был уверен: сейчас Юй Шанчжи, получив прекрасную возможность, просто воспользуется ею, легко улизнёт, скажет пару вежливых слов и исчезнет. Ему-то всего и нужно — вернуть двадцать лян, оставшиеся сорок после продажи мускуса вполне позволят жить одному спокойно, даже если каждый день пить лекарство — хватит и до того дня, когда зрение вернётся.

Вэнь Ецай сжал кулак, рука бессильно повисла у бедра. Он замер, ожидая услышать те самые слова, которых заранее ждал — отказ, уход, спокойное «да».

Но услышал совсем другое. И даже первые два простых слога, едва слетевшие с губ Юй Шанчжи, уже заставили сердце дрогнуть.

— А-Е... Я понимаю, что с этой минуты каждое моё слово для тебя может быть ложью. И всё же я должен это сказать, — тихо произнёс Юй Шанчжи.

Он глубоко вдохнул, словно нырял с головой в неизвестность, с той самой тяжестью в груди, которую даёт понимание, как переменчиво всё в этом мире.

Слова Вэнь Ецай, будь они сказаны несколько дней назад, стали бы для него буквально подарком судьбы — подушкой, что подложили в нужный момент, когда уже клюёшь носом от усталости.

Один хотел уйти, другой не хотел держать. Обручённые судьбой — теперь были не более чем участниками денежной сделки: рассчитаются, и каждый пойдёт своей дорогой. Это был самый простой, самый «разумный» исход.

Но именно в эту минуту Юй Шанчжи понял: нет, он не может позволить, чтобы всё закончилось так. Если он потеряет Вэнь Ецай, то в этом чужом, незнакомом мире, где каждый день мог бы быть пуст и холоден, он, пожалуй, больше никогда не найдёт такой тёплой, искренней души.

— Всё, что было раньше... — начал он негромко, но с твёрдостью. — Я делал это не без причины. Если ты дашь мне шанс, я расскажу тебе всё подробно. Но сейчас скажи — за эти десять с лишним дней... правда ли ты считаешь, что я — человек с чёрным сердцем, жадный до денег, лживый и подлый?

Ответ — простое слово «нет» — уже почти сорвалось с губ Вэнь Ецяя. Ведь он сам знал, почему поверил Юю. Всё было перед глазами, день за днём. Он разоблачил обман лекаря У, и действительно подобрал действенное лекарство для третьего сына семьи.

Он стал лечить Сяо Дие-гера посреди ночи, несмотря на собственную слабость. Он, не задумываясь, вступился за Вэнь Ецяя перед Ху Цзинь и всеми зеваками.

Он напоминал, чтобы тот пил только кипячёную воду, грел ноги в полынной ванне, заботился о его здоровье.

А главное... Когда его укусила змея, именно Юй Шанчжи спас ему жизнь.

И пусть сам он ни разу об этом не упомянул, Вэнь Ецяй слышал от Вэнь-эрню — тогда, когда счёт шёл на минуты, Юй Шанчжи не колебался: прямо ртом отсосал яд и гной из раны, рискуя собственной жизнью.

Как, как же теперь сказать, что он — лгун и мошенник?

Не говоря уже о сегодняшнем дне — ведь первое, что сделал Юй Шанчжи, продав оставленный покойным наставником мускус, — это предложил пойти купить скотину, чтобы пополнить хозяйство, принести в дом что-то полезное и прочное.

Спросить хочется: может ли человек играть так глубоко, так последовательно и так естественно?

Но сколько бы он ни колебался, в конце концов Вэнь Ецяй всё же поднял глаза и заглянул в ясные, прозрачные, почти до наивности открытые глаза Юй Шанчжи — и беззвучно покачал головой.

— Как бы то ни было... я больше не осмеливаюсь тебе верить.

Рука, которую Юй Шанчжи только что было протянул, снова опустилась. Лицо его потемнело, и без слов можно было понять, что в нём теперь — одно только безмолвное отчаяние.

Между ними повисла тишина, тяжёлая и глухая. И вдруг Юй Шанчжи уловил что-то... странное.

Сваха Хуа, что всё это время выла и причитала, внезапно затихла. Ни всхлипа, ни возгласа.

Юй Шанчжи был человеком, прошедшим через смерть. Его опыт во многом глубже, чем у семнадцатилетнего Вэнь Ецяя. А за последние полмесяца, привыкнув жить без зрения, он особенно обострил слух и внимание к звукам.

Не успел он даже предупредить Вэнь Ецая, как в уши врезался резкий свист — звук, с которым что-то тяжёлое и стремительное рассекало воздух, приближаясь с угрожающей скоростью.

— Осторожно!

В долю секунды, словно осенённый молнией, Юй Шанчжи понял: скорее всего, сваха Хуа, улучив момент, решила напасть — и цель у неё одна: он сам или Вэнь Ецай.

Он не раздумывал. Рванулся вперёд и с силой притянул Вэнь Ецай к себе, одновременно разворачивая своё тело, чтобы полностью прикрыть его от удара.

Старая ведьма, невесть где раздобывшая крепкую, толстую ветку, уже занесла её над головой. И даже несмотря на то, что перед ней внезапно оказался не один человек, а двое, она всё равно не остановилась — размах уже был полон ярости и отчаяния.

Юй Шанчжи почувствовал, как что-то тяжёлое с глухим ударом опустилось на затылок. Мгновение — и мир покачнулся. Он повалился вперёд, теряя сознание.

.....

Удар — и с ним пришёл сон.

Юй Шанчжи, будто выброшенный из тела, растерянно смотрел на происходящее перед собой. Сначала не понял, где оказался, но вскоре узнал старое родовое поместье семьи Юй — старый дом, где он вырос.

Перед ним была дверь — та самая, что вела в его бывший кабинет. Не ведая зачем, он поднял руку и толкнул её. То, что он увидел внутри, заставило его дыхание замереть.

Комната, в которой прежде он читал и работал, теперь была превращена в траурный зал. Алтарь, уставленный свечами и благовониями, занимал центральное место.

На чёрно-белой фотографии над алтарём молодой мужчина с мягкой улыбкой смотрел прямо на него — это был он сам. Перед фотографией стоял седовласый старик, сгорбившийся под тяжестью лет и горя.

Словно услышав шорох у двери, старик медленно обернулся — и Юй Шанчжи сразу узнал его: перед ним стоял его дед, самый близкий человек, что был у него при жизни.

— Шанчжи... ты вернулся, — произнёс он негромко.

Но теперь он выглядел куда старше, чем в памяти внука. Раньше это был бодрый, твёрдый, хоть и пожилой человек, что и после семидесяти не утрачивал ясности ума. А сейчас — согбенная фигура, тусклый взгляд, как будто годы легли на него в одночасье.

— Дедушка... это внук оказался недостойн, — дрогнувшим голосом сказал Юй Шанчжи. — Заставил вас, седого, хоронить чёрноволового...

Он не стал задумываться, почему дед его видит, почему слышит. Во сне всё может быть. Но стоило произнести эти слова — всё то, что так долго лежало комом в груди, прорвалось наружу, голос его задрожал, словно что-то внутри треснуло.

Он не знал, почему видит именно это. Но, вероятно, именно эта сцена и была самым горьким сожалением его прежней жизни — тем, что он так и не успел сказать, не успел исправить, не успел прожить.

Дед только махнул рукой, словно прогоняя тяжесть — как будто уже всё понял, и всё принял.

— Мне снился сон, — тихо сказал он. — Будто ты попал в какое-то странное место. Там все ходят в старинной одежде... и ты, ты будто и сам такой стал. Даже женился — только на мужчине.

Юй Шанчжи удивлённо вскинул голову и встретился с его мягким, тёплым взглядом, полным ласки и доброты.

— Может, то и есть твоя новая жизнь, перерождение, — продолжал дед, улыбаясь. — Это, наверное, небо решило вознаградить тебя. Ты ведь в той жизни слишком рано стал взрослым, слишком рано взвалил на себя заботы... слишком устал. Это мы, я... мы все тебе задолжали. Если всё, как в том сне, — живи хорошо. Береги того, кто рядом. И больше не думай о доме.

С последним слогом дедовской фразы вся сцена перед глазами Юй Шанчжи рухнула, будто водяное зеркало, разбитое упавшей каплей. Иллюзия рассыпалась — прозрачная, зыбкая, исчезающая в одно мгновение.

— Дедушка! — воскликнул он в редком для себя порыве. Его голос сорвался на крик, и он резко подался вперед, рывком приподнявшись с постели.

Но тут же раздался глухой хруст — он со всего размаху ударился о что-то твёрдое, и перед глазами заплясали искры. Голову пронзила резкая боль, и он снова повалился на подушку, застонал, прижимая ладонь ко лбу.

Сознание металось — половина его ещё блуждала в странном, волшебном сне, где было родное лицо, спокойствие и свет, а другая уже возвращалась в резкую, грубую, ощутимую реальность.

И именно в этот момент рядом раздался голос — сердитый, с откровенным раздражением и язвительным, колким оттенком.

— Неудивительно, что лекарь сказал: после удара по голове с тобой всё в порядке — такая башка, ей ничего не сделается! Юй Шанчжи, ты что, решил отплатить злом за добро? Сначала чуть не помер, а теперь хотел насмерть в меня врезаться, забрать деньги и сбежать? Подлечишь зрение — и сразу женишься на какой-нибудь красавице, так?

<http://bllate.org/book/13600/1205939>